

УДК 130.2: 111.8

Наталья ДОБРОЕР,
кандидат культурологии,
доцент кафедры культурологии и искусствоведения,
Одесского национального политехнического университета

ДИСКУРС ОБ ИСТИНЕ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД Часть 1

Зіставивши різні уявлення про істину (філософія, мистецтво, побутове уявлення), виявляємо їх взаємовпливу, ізоморфізм на рівні ряду систематизуючих категорій, багаторівневність, наявність декількох значень в понятті істини; необхідний зв'язок істини і комунікації.

Ключові слова: істина, філософія, мистецтво, комунікація, культурологічний дискурс.

Сопоставив различные представления об истине (философия, искусство, бытовое представление), обнаруживаем их взаимовлияния, изоморфизм на уровне ряда систематизирующих категорий, многоуровневность, наличие нескольких значений в понятии истины; необходимую связь истины и коммуникации.

Ключевые слова: истина, философия, искусство, коммуникация, культурологический дискурс.

Comparing the different perceptions of the truth (philosophy, art, consumer representation), find their mutual isomorphism at systematizing a number of categories, multi-level, the presence of multiple values in the concept of truth; the necessary relationship of truth and communication.

Key words: truth, philosophy, art, communication, cultural discourse.

Анализ современной философской литературы, посвященной истине, приводит к выводу о чрезвычайном разнообразии концепций истины (что вполне естественно), а также о том, что связь этих концепций между собой почти не исследуется; отсутствует общее смысловое пространство для диалога между ними, для выработки единого образа истины на мировоззренческом уровне.

Это, с нашей точки зрения, ослабляет позиции философии в противостоянии очередной волне нигилизма, захватившей буквально всю современную культуру и нацеленную «на уют» - на науку, на общечеловеческие ценности, на рациональность как таковую. Одним из главных аргументов постмодернизма против классических подходов к истине является обвинение в сциентизме, а также ссылка на множественность ответов на вопрос «что есть исти-

на?» и на «нелегитимность» каждого из этих ответов. Р. Рорти считает, что теория истины вообще невозможна; Ж. Деррида и Делез приходят к выводу о том, что истина как таковая недоступна человеку, а то, что принимают за истину – некий фантом (симулякр), созданный воображением и языковой игрой; Лиотар Ж.-Ф. уверен, что истина перестала быть ценностью, а потому «ученых, техников и аппаратуру покупают не для того, чтобы познать истину, но чтобы увеличить производительность» [1, с. 112].

Отнесение истины к числу подлежащих ревизии человеческих ценностей сопровождается выдвиганием альтернатив: на смену истине как ценности в одних случаях приходит эффективность, в других – нравственные принципы, в третьих – самореализация и т.д., и т.п.

Субъектно-объектное отношение, лежащее в основе гносеологии, разрушается: сначала убирается различие между S и O, а потом убирается и сам S. Экзистенция принимает вид чего-то безличного и исчезающего. На место исследования реальности сначала ставится интроспекция (взгляд вовнутрь «Я»), а затем это «Я» утрачивается. Человек понимает, что становится «ничем», и поэтому «может представлять мир и себя так, как хочет, т.к. не связан ни с одной субстанцией или рациональностью» [2, с. 30]. Постмодернизм с такой ненавистью атакует разум, что перед ним блекнет нигилизм Ф. Ницше. Как пишет Уго Галимберти, «беспокойство разума стихает, едва он осознает, что бытие лишено смысла» [3, с. 14].

В значительной мере эти деструктивные для теории истины выводы связаны с тем, что истина истолковывается лишь как свойство знаковых форм, текстов, а то и вовсе отождествляется со смыслом текста. Логос как слово занимает центральную позицию в работах о познании, об истине. Иногда истина понимается как первоначальный смысл слов и других языковых конструкций, как некий «первородный язык», или «архиписьмо». Но тут же мы узнаем, что «архиписьмо - присутствие центра, - не может быть объектом мысли» [4, с. 26]. Истина становится недоступной из-за игры текстового пространства. Пройдя через выделенные Деррида пять ступеней познания: «имя – определение – изображение – знание – то, что познается само по себе и есть подлинное бытие», истина в диалектическом рассуждении перерождается в «нашу истину» - симулякр. «Все наши словесные революции, все новшества, связанные с разрывами первичных связей между означающими и означаемыми, все игры «скользящих» означающих, никак не соотношенных со своими денотатами, - все эти и другие сдвиги и потрясения внутри сферы словесно выраженного – всего лишь мелкие ухабы в сравнении с действительной бездной, отделяющей словесно выраженное (как угодно выраженное!) от словесно невыраженного» [5, с. 20].

В этом контексте приобретает весьма актуальное значение проблема самой возможности построения общего понятия истины как мировоззренческой и общепhilosophической категории.

Ашам. Даниил Никулчя

Существующие противоречия во взглядах на истину не следует ни замалчивать, ни переводить в ситуацию неизбежного конфликта. Мы, в некотором смысле, должны быть благодарны постмодерну за то обострение постановки проблемы истины, которое, видимо, необходимо для

того, чтобы философия на рубеже тысячелетий не двигалась лишь по инерции в русле известных подходов, а обновилась с учетом новых реалий в жизни современного человека.

Философия в исследовании истины должна быть тем метаязыком, который поможет синтезировать все результаты человеческого постижения мира, где бы они ни добывались: в науке, в искусстве, в религии, в социальной и индивидуальной практике.

Подавляющее большинство современных философских концепций истины связаны с осмыслением научного познания, отражают его специфику; между тем, никто не оспаривает, что наука – не единственный вид познания мира.

Лидерство науки в формировании философского образа истины исторически оправдано. Более того, оно и сегодня сохраняется вопреки многочисленным попыткам дискредитации науки, научной истины. Для нас бесспорно одно: если даже наука и является лидером в познании мира, то она далеко не единственный участник процесса, и чем дальше, тем более она нуждается в координации со всеми другими составляющими человеческой культуры, в более четком соотношении с ними. Это соотношение должно состоять не только в поиске различий, противоположностей, как это было до сих пор, но и в поиске того самого «семейного сходства», которое, возможно, присуще различным видам человеческого познания и является результатом их включенности в единую систему бытия. Именно это сходство может быть основой взаимопонимания и сотрудничества в процессе преодоления глобального кризиса, переживаемого человечеством.

Истина многомерна не только в том смысле, что она получается в разных сферах человеческого бытия и познания; она многомерна и в том смысле, что она складывается из компонентов разных уровней: индивидуального/социального; целого/частей; чувственного/рационального, или рационального/надрационального и т. д. Выдвинем на обсуждение

тезис: на всех этих уровнях истине присуще фундаментальное свойство согласованности или тождества, реализующееся на отношениях ее элементов и подсистем. Ясное осознание этой согласованности и вызывает у нас то внутреннее чувство истины, которое называют очевидностью.

Истина – постоянно формирующаяся и меняющаяся система. Как корпоративное знание человечества, она обладает определенной мерой целостности на каждой ступени развития; как знание индивидуальное, она тоже стремится к целостности. Интересно отметить при этом, что мера этой целостности иногда (а может быть, как правило) превышает меру целостности самого объекта.

Знание может быть истинным или ложным только в рамках определенной системы (принцип конкретности истины).

Истина коммуникативна в том смысле, что она добывается, передается, апробируется, хранится всегда в живом общении, понимаемом в широком смысле как взаимодействие, опосредованное знаковыми структурами (тут и общение с самим собой, с природой, с другими людьми, с универсумом (Богом)).

На житейском уровне понятие истины сопоставляется с понятием правды, хотя они отличны друг от друга. Они как бы являются сторонами одного и того же философского концепта: правда указывает на практический аспект этого понятия, а истина – на теоретический. Истина становится в нем максимумом, резюмирующей жизненный опыт. Она содержит поведенческую установку. «В каком-то смысле истину знает только Бог, а люди знают правду. Нередко говорят, что у каждого человека – своя правда (а не истина). Ученый стремится к познанию истины, но рассерженная мать хочет узнать правду, кто разбил ее чашку» [8, с. 481]. Истина на житейском уровне связана с человеческой жизнью, поэтому можно сказать, что здесь как нельзя лучше раскрывается ее практический аспект.

Истина в искусстве также связана с практическим аспектом, но он дополняется обращением к духовной жизни человека. Познавательные возможности искусства огромны, его нельзя заменить иными сферами человеческой духовной жизни. Оно способно к отражению и освоению тех сторон жизни, которые труднодоступны

науке. «В научной формуле воды H₂O схвачен закон существования этого явления. Но явление богаче закона. В формулу воды не вошли ни прелестное журчание ручья, которое напоминает голос любимой, ни переливы волн, ни лунная дорожка на поверхности моря, ни бушующий

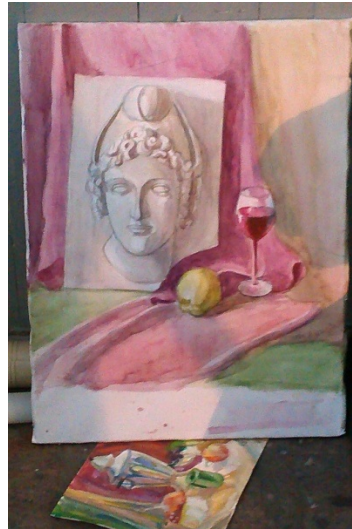
девятый вал, который мы видим на картине И.К. Айвазовского и в котором живет мощь стихии» [7, с. 123]. Истина в искусстве не просто отражает взгляды на познание данной эпохи, она чувственно представляет и переживает их. В настоящий момент в искусстве наблюдается освобождение от сциентизма и технократизма: обращается внимание на необычный ход мысли автора, а не на вопрос о том, насколько все это истинно. Такой подход позволяет увидеть творчество художника как отражение реальных событий жизни и его приобщенность к опыту предшествующих эпох.

Образуется диалог с опытом предшествующих эпох.

В приведенных работах начинающего художника Д. Никульчи, мы видим, как образуется своеобразный смысловой диптих: мир и я/я и мир. В работах прослеживается воспроизведение особенностей своей эпохи и субъективный подход к миру. Истина искусства старается целостно отразить свое время, а потому сопоставима с современными философскими течениями. Но именно здесь проявляются те нерешенные вопросы, которые кажутся решенными и доказанными в философии, науке. Здесь мы видим нечто общее в искусстве и религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар: С-Пб: Алетейя, 1998.- 156с.
2. Ciancardo P. Gzasy nowozytne a postmodernism we wspolczesnej mysli filozoficznej // Comunio.- NR 6 (84), 1994.- 167p.
3. Galimberti U. Lo sgufro deldepresso. La Repubblica.- 7/7, 1998. – 203p.
4. Ванштейн О.Б. Деррида и Платон: деконструкция логоса. // Мировое древо.- №1.- 1992.- С.50-73.
5. Автономова Н.С. Возвращаясь к азам / Н.С. Автономова // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С. 17–22.
6. Лобастов Г.В. Так что же есть истина? / Г.В. Лобастов // ФН №6.- 1991. С. 479-486.
7. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

Парис. Даниил Никульча